

К ВОПРОСУ О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СТАНДАРТОВ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ*

Н.В. Платонова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

15 апреля 2025 г.

Дата принятия в печать –

20 июня 2025 г.

Дата онлайн-размещения –

20 сентября 2025 г.

Изучается проблема дифференциации стандартов доказывания по гражданским делам. Рассматриваются подходы Верховного Суда РФ, делается вывод, что повышение стандартов доказывания в отдельных случаях не имеет под собой должного основания, противоречит ранее установленной системе презумпций, не отвечает установленным Федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» механизмам пересмотра судебных актов. Утверждается парадоксальность того, что применение стандартов доказывания может угрожать определенности и предсказуемости судебного процесса.

Ключевые слова

Стандарт доказывания, *prima facie*, баланс вероятностей, ясные и убедительные доказательства, возмещение убытков, нарушение фидуциарных обязанностей, бремя доказывания, банкротство, установление размера требований кредиторов, пересмотр судебного акта

ON THE DIFFERENTIATION OF STANDARDS OF PROOF IN CIVIL CASES**

Natalia V. Platonova

St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia

Article info

Received –

2025 April 15

Accepted –

2025 June 20

Available online –

2025 September 20

Subject. Russian civil procedure has adopted a differentiated approach to standards of proof in civil cases: not only is the “balance of probabilities” standard applied, but also *prima facie*, “clear and convincing evidence,” and “beyond a reasonable doubt”. This approach entails a number of difficulties, ranging from finding reasons to lower or raise the standard of particular categories of cases to identifying the permissible extent of differentiation within the context of legal certainty and predictability of judicial proceedings. The standards of proof inevitably influence well-established institutions of Russian procedural law (burden of proof, judicial review, etc.), at times requiring a reassessment of traditional approaches.

Keywords

Standard of proof, *prima facie*, balance of probabilities, clear and convincing evidence, indemnification, breach of fiduciary duty, burden of proof, bankruptcy, establishing the size of creditors' claims, review of judicial acts

The purpose of the study. To describe the legal issues arising from the differentiation of standards of proof in cases involving damage compensation and bankruptcy proceedings. Methodology. Methods of analysis and comparison based on practice of the Supreme Arbitration Court, of the Supreme Court, of scientific research in the field of civil procedural law.

The main results of research and the field of their application. The application of the “clear and convincing evidence” standard by the Supreme Court in cases involving compensation for damages caused by a person authorised to act on behalf of a legal entity may be justified from a policy and legal standpoint, but it is inappropriate in terms of the actual

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00565, «Стандарты доказывания в российской правовой системе», <https://rscf.ru/project/24-28-00565/>.

** The research was financially supported by the Russian Science Foundation, project No. 24-28-00565, “Standards of proof in the Russian legal system”, <https://rscf.ru/project/24-28-00565/>.

accessibility of evidence for the parties involved in the proceedings. When the burden of proving the reasonableness and good faith of actions is shifted to the defendant, the standard of proof is reduced to the “balance of probabilities.” The application of heightened standards of proof in bankruptcy cases naturally increases the interest of creditors and bankruptcy trustees in seeking to revise court rulings issued prior to the initiation of bankruptcy proceedings. This, in turn, highlights the importance of defining the permissible scope of creditors’ rights to challenge such rulings.

Conclusion. The adjustment of the standard of proof – whether upward or downward – must not be used as a situational tool. The adoption of a standard other than the “balance of probabilities” in civil litigation must be grounded in substantial justification and aligned with established procedural rules.

1. Введение

Стандартом доказывания, адекватным назначению гражданского судопроизводства, является «баланс вероятностей» [1–7]. Однако данный стандарт не воспринимается судебной практикой как универсальный, пригодный для разрешения любого гражданско-правового спора. Так, при рассмотрении вопроса об обоснованности требования кредитора, подтвержденного решением третейского суда, конкурсному кредитору достаточно представить суду доказательства *prima facie*, продемонстрировав существенные сомнения в наличии долга¹. При разрешении вопроса о вступлении в реестр требований кредиторов должника применяется повышенный стандарт «ясные и убедительные доказательства»²; при установлении реальности договора, на котором основано требование кредитора, аффилированного с должником, компенсационной природы финансирования должника контролирующим лицом – стандарт «за пределами разумных сомнений»³.

Подход, предполагающий высокую вариативность стандартов доказывания по гражданским де-

лам, сопряжен с рядом проблем, требующих теоретического осмысления.

2. Дифференциация стандартов доказывания по делам о возмещении убытков

Стандарт доказывания «баланс вероятностей» по делам о взыскании убытков установлен на уровне закона. Согласно п. 5 ст. 393 Гражданского кодекса (далее – ГК) РФ размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности. Суд не может отказать в удовлетворении требования кредитора о возмещении убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, только на том основании, что размер убытков не может быть установлен с разумной степенью достоверности. В этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательства.

Подход законодателя к подтверждению размера убытков распространен Пленумом Верховного

¹ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 мая 2014 г. № 1446/14, определения Верховного Суда РФ от 9 октября 2015 г. № 305-КГ15-5805, от 28 апреля 2017 г. № 305-ЭС16-19572, от 27 февраля 2019 г. № 305-ЭС18-19058. Здесь и далее судебные акты приводятся по СПС «КонсультантПлюс».

² Определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25 сентября 2017 г. № 309-ЭС17-344(2), от 18 сентября 2017 г. № 301-ЭС15-19729(2), от 13 июля 2018 г. № 308-ЭС18-2197, от 31 января 2024 г. № 303-ЭС23-17584. Надо заметить, что, определяя стандарт «ясные и убедительные доказательства» как наиболее подходящий для разрешения данной категории дел, Верховный Суд РФ ссылался на п. 26 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве». Данный пункт в настоящее время не подлежит применению в связи с при-

нятием Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 40 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29 мая 2024 г. № 107-ФЗ “О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации”». При этом Пленум Верховного Суда РФ не разъясняет (по крайней мере, буквально), какой стандарт доказывания должен применяться по спорам о включении требований в реестр требований кредиторов должника, но одновременно корректирует прежнее разъяснение Высшего Арбитражного Суда РФ (п. 27).

³ Пункты 1, 3.4 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020).

Суда РФ и на доказывание причинно-следственной связи. Суд указал: «по смыслу статей 15 и 393 ГК РФ, кредитор представляет доказательства, подтверждающие наличие у него убытков, а также обосновывающие с разумной степенью достоверности их размер и причинную связь между неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства должником и названными убытками»⁴.

Разумная степень достоверности означает, что возмещение может быть присуждено истцу и там, где убытки более вероятно причинены в размере, указанном истцом, чем в ином; наличие причинно-следственной связи более вероятно, чем ее отсутствие. В этом смысле подход законодателя и Верховного Суда РФ позволяет говорить о существовании стандарта доказывания «баланс вероятностей» в российском праве. В.В. Байбак, анализируя новую редакцию ст. 393 ГК РФ и п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7, указывает, что под разумной степенью достоверности следует понимать характерный для гражданских споров стандарт доказывания «баланс вероятностей» [8]. Близким по смыслу стандарту «баланс вероятностей» правило ст. 393 ГК РФ называет и А.А. Смола [9].

Между тем стандарт «баланс вероятностей» не признаётся судами оптимальным для разрешения любого спора о взыскании убытков. Так, в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30 сентября 2019 г. № 305-ЭС16-18600(5-8) выражена следующая позиция: «стандарт доказывания по искам (статья 53.1 ГК РФ) о взыскании убытков с лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица (ясные и убедительные доказательства), отличается от соответствующего стандарта по спорам о признании недействительными сделок по специальным основаниям законодательства о банкротстве (баланс вероятностей)».

По спору о взыскании убытков с директора истец должен доказать факт нарушения ответчиком фидуциарных обязанностей (неразумность и (или) недобросовестность его действий), убытки, причинную связь. Буквальное прочтение позиции суда приводит к выводу, что истец должен представить такие доказательства, что подтвердят факты – условия удовле-

тельные доказательства». Поставим вопрос: обоснованно ли такое повышение стандарта доказывания?

В основе выбора стандарта доказывания лежат представления о негативных последствиях для общества судебной ошибки в пользу одной или другой стороны дела. Так, ошибочное осуждение невиновного явно приносит огромный вред не только самому осужденному, но и (косвенно) всему обществу, этот вред существенно выше, чем вред от ошибочного оправдания виновного. Этим объясняется использование стандарта «вне разумных сомнений». При этом в споре о праве гражданском негативные последствия судебной ошибки в пользу истца и ошибки в пользу ответчика одинаковы. Поэтому стандарт доказывания в гражданском процессе – «перевес доказательств» – выбран таким образом, чтобы сделать ошибки в пользу истца и ответчика равновероятными [10; 11].

Всякое повышение стандарта доказывания является отражением тезиса: цена ошибочного признания факта существующим выше, чем ошибочного признания факта отсутствующим [12, с. 47–49]. Применительно к ответственности директора это означает, что ошибочное взыскание с него убытков является более нежелательным, чем отказ в том при действительном наличии оснований.

Обоснование подобного подхода может быть обнаружено в сфере политики права. При определении оснований, условий, процедур привлечения директора к ответственности необходимо найти баланс между двумя значимыми целями: стимулированием предпринимательской инициативы и противодействием недобросовестному, неразумному поведению управленцев [13; 14]. Когда главенствующее значение приобретает первая цель, привлечение директора к ответственности ограничивается, в том числе и посредством процессуальных положений (презумпций, стандартов доказывания и т. д.); когда же на первый план выходит противодействие неправомерному поведению лиц, выступающих от имени юридического лица, – привлечение директора к ответственности упрощается и требует от истца по требованию о возмещении убытков меньшей процессуальной активности.

Введение стандарта доказывания «ясные и убедительные доказательства» по спору о взыскании убытков с лиц, имеющих фактическую возмож-

⁴ Пункт 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых

положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».

ность определять действия юридического лица, отражает намерение уменьшить сдерживающий эффект ответственности менеджера компании, предоставить директору значительную свободу в принятии управленческих решений, позволить ему идти на более высокие риски ради максимизации прибыли.

Вместе с тем стандарт доказывания рассматривается не только как средство избежать наиболее вредоносных для общества судебных ошибок, но и как механизм устранения неравенства доказательственных возможностей лиц, участвующих в деле [15–17]. И если понимать повышенный (пониженный) стандарт доказывания как способ устранения доказательственной асимметрии, подход Верховного Суда РФ оправдать невозможно, поскольку в делах о взыскании убытков с директора доказательства, как правило, сосредоточены у юридического лица (ст. 89 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», ст. 50 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»), и доступ к ним имеет ответчик, истец же, напротив, ограничен в информации и доказательствах, располагает лишь теми сведениями, что предоставляет ему общество. Повышая стандарт доказывания до уровня «ясные и убедительные доказательства», Верховный Суд РФ не учитывает то обстоятельство, что бремя доказывания фактов, лежащих в основании требования, лежит на истце, а неравенство доказательственных возможностей складывается в пользу ответчика.

А.Г. Карапетов и В.В. Байбак отмечают, что асимметрия доказательственных возможностей в ряде случаев может присутствовать в делах о возмещении убытков – у истца, как правило, имеется куда более широкий доступ к доказательствам своих собственных убытков, чем доступ ответчика к доказательствам отсутствия у истца таких убытков. Поэтому, «когда очевидно, что истец явно недорабатывает в плане сбора и представления доказательств, а ответчик просто будет не в состоянии выполнить перенесенное на него бремя опровержения, открываются условия для умеренного отклонения искомого стандарта доказывания по сравнению с базовым симметричным балансом вероятностей в сторону повышения» [17, с. 1333]. Называя подход Верховного Суда РФ избыточным упрощением, авторы отмечают: «Одно дело – доказывание факта нарушения директором или иным контролирующим лицом своих фидуциарных обязанностей перед обществом, другое – доказывание самих убытков и третье – до-

казывание наличия причинной связи между таким нарушением и возникшими убытками. Применение умеренно повышенного стандарта доказывания кажется приемлемым решением для доказывания возникновения самих убытков, вряд ли уместно для доказывания причинной связи и может вызывать споры в отношении доказывания факта нарушения фидуциарных обязанностей» [17, с. 1333–1334].

Соглашаясь с обозначенным подходом в части доказывания противоправности поведения и причинной связи, отметим, что позиция авторов о стандарте доказывания убытков в спорах между участником (юридическим лицом) и директором не вполне справедлива. Здесь любые доказательства, в том числе самих убытков, как правило, сосредоточены у ответчика. Истца по такому спору обыкновенно невозможно упрекнуть в том, что он может нарастить объем представляемых доказательств, но не делает этого.

Подход Верховного Суда РФ требует оценки и с точки зрения правил о переходе бремени доказывания по делам о взыскании убытков с директора, введенных Высшим Арбитражным Судом РФ. В п. 1 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» указано: в случае отказа директора от дачи пояснений или их явной неполноты, если суд сочтет такое поведение директора недобросовестным (ст. 1 ГК РФ), бремя доказывания отсутствия нарушения обязанности действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно может быть возложено судом на директора.

Во-первых, в основе данного разъяснения лежит представление о неравенстве доказательственных возможностей истца и ответчика, где информационное преимущество имеет ответчик. Именно поэтому может сложиться ситуация, при которой директор выиграет дело посредством простого отрицания фактов – оснований требования, не без причин рассчитывая на то, что истец не справится с бременем доказывания. Пункт 1 указанного постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ подобного не позволяет: директор не может выиграть дело, занимая пассивную позицию. Как отмечает А.А. Кузнецов, подобное стимулирование директора к представлению пояснений относительно причин возникновения убытков заслуживает поддержки с той точки зрения, что процесс о взыскании убытков с директора – это, как правило, противостояние неинформированной (истец: пострадавшее юридическое лицо

либо его участники) и информированной (ответчик: директор) сторон. Ответчик обладает всеми сведениями о своих ошибках, он профессионал, тогда как истцы вынуждены собирать доказательства по крупцам. Следовательно, необходимо компенсировать этот информационный дисбаланс между сторонами [18]. Повышение стандарта доказывания фактов – оснований иска имеет в основе противоположное предположение, и потому не вписывается в выработанные судебной практикой правила распределения бремени доказывания по данной категории споров.

Во-вторых, возникает вопрос: при возложении судом бремени доказывания на ответчика какой стандарт должен применяться к доказыванию им факта добросовестности и разумности своих действий?

Верховный Суд РФ сформулировал применение стандарта «ясные и убедительные доказательства» предельно общим образом («стандарт доказывания по искам»), что позволяет выдвинуть несколько предположений. Первое – что данный стандарт применяется к установлению любого факта дела вне зависимости от того, лежит он в основе иска или возражения на иск, на кого возложено бремя его доказывания. Такое прочтение, однако, ошибочно, когда речь идет об асимметричном стандарте доказывания: невозможно обнаружить причину, по которой доказывание факта истцом и противоположного – ответчиком должно подчиняться одинаково повышенному стандарту. Второе предположение заключается в том, что перенос бремени доказывания означает одновременное снижение стандарта для ответчика, доказывающего противоположный факт (например, до стандарта *prima facie*). Этот подход вполне соответствует тезису: «ошибочное присуждение истцу победы хуже ошибочного его проигрыша», – однако фактически сводит на нет санкцию за процессуальную пассивность, установленную п. 1 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 62. Потому единственно возможным вариантом является третий: к ответчику должен быть применен стандарт «баланс вероятностей».

Обсуждаемый подход Верховного Суда РФ предполагает довольно глубокую дифференциацию стандартов доказывания: стандарт устанавливается

не просто для категории споров, но для отдельных фактов, и изменяется в связи с процессуальным поведением лиц, участвующих в деле, и переносом бремени доказывания. При этом исследователи относят к выгодам введения стандартов доказывания то, что они позволяют обеспечить необходимую определенность права [19], предсказуемость результата судебного процесса [16; 20; 21]. Однако поиск оптимального стандарта доказывания для каждого частного случая фактоустановления очевидно не позволяет получить искомые преимущества.

3. Стандарты доказывания и право кредитора на пересмотр судебного акта

Верховный Суд РФ ввел повышенные стандарты доказывания по спорам о включении долга в реестр требований кредиторов в процедуре банкротства: кредитор должен доказать свое притязание на уровне стандарта «ясные и убедительные доказательства». Если же кредитор, вступающий в реестр, аффилирован с должником, он, чтобы успешно доказать реальность сделки, лежащей в основании заявления, и вовсе должен выполнить стандарт «вне разумных сомнений».

Требование о применении повышенных стандартов доказывания было распространено Верховным Судом РФ на дела об обжаловании кредиторами, арбитражным управляющим решений судов о взыскании задолженности с должника, признанного банкротом. Применительно к обжалованию судебных актов в апелляционном порядке⁵ Верховный Суд РФ указывал: «Учитывая, что ответчик находится в банкротстве и что решение по настоящему делу фактически предопределяет результат рассмотрения вопроса о включении требований истца в реестр требований кредиторов ответчика, суд апелляционной инстанции не мог сделать вывод об обоснованности иска, ограничившись минимальным набором доказательств... основанием к удовлетворению иска являлось бы представление истцом доказательств, ясно и убедительно подтверждающих наличие и размер задолженности перед ним и опровергающих возражения кредитора, обжалующего судебный акт»⁶; «арбитражный управляющий и кредиторы должника должны заявить доводы и (или) указать на доказательства, которые с разумной степенью до-

⁵ Пункт 24 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» (не применяется, п. 65 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 40).

⁶ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21 февраля 2019 г. № 308-ЭС18-16740.

стоверности позволили бы суду усомниться в достаточности и достоверности доказательств, представленных должником и истцом в обоснование наличия задолженности. Бремя опровержения этих сомнений лежит на истце, в пользу которого принят оспариваемый судебный акт»⁷.

Такой подход верен, так как проверка выводов суда на основе ординарного стандарта доказывания привела бы к неравенству кредиторов, претендующих на имущество должника. Те из них, кто взыскал долг до начала банкротства, получил бы явное преимущество перед кредиторами, предъявившими свои требования в процедуру несостоятельности, – если первые могли доказать свое требование на уровне «баланса вероятностей», то вторые успешно вступят в реестр, лишь выполнив стандарт «ясные и убедительные доказательства» или «вне разумных сомнений».

Одновременно с этим модель апелляционного обжалования решения имела множество недостатков и подвергалась критике. Дискуссия об оптимальном механизме защиты прав кредитора [22–24] привела законодателя к решению: таковым является пересмотр судебного акта, подтверждающего требование кредитора к должнику-банкроту, по вновь открывшимся обстоятельствам. Федеральным законом от 29 мая 2024 г. № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» ст. 16 закона «О несостоятельности...» дополнена п. 12, приведем его первый абзац: «Если арбитражный управляющий и (или) кредиторы полагают, что права и законные интересы кредиторов нарушены судебным актом (включая постановление суда общей юрисдикции и судебный акт арбитражного суда, а также определение о принудительном исполнении решения третейского суда), на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование кредитора, указанные лица вправе обратиться в установленном процессуальным законодательством порядке с заявлением об отмене судебного акта по правилам пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам».

При этом вновь открывшимися считаются существенные для дела обстоятельства, которые не были и не могли быть известны заявителю (ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса РФ). Заявление о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам может быть удовлетворено, если: 1) приведенные участниками процесса доводы и представленные доказательства указывают на наличие существенных для дела обстоятельств, которые не были известны суду на момент принятия судебного акта и которые способны повлечь принятие иного решения по существу спора⁸; 2) существенные для дела обстоятельства возникли до принятия судебного акта – основанием для такого пересмотра является открытие обстоятельств, которые хотя объективно и существовали, но не могли быть учтены, так как не были и не могли быть известны заявителю⁹.

Однако изменение стандарта доказывания с началом банкротства предполагает, что уже само введение банкротной процедуры создает интерес кредитора, арбитражного управляющего к оспариванию судебного решения, принятого в пользу кредитора. Не только новые возражения, доказательства могут привести к решению иному, чем ранее было принято судом, но и само применение более высокого стандарта доказывания фактов, лежащих в основании иска.

Использование повышенного стандарта доказывания по делу о банкротстве приводит к выводу: если кредитор вступает в реестр требований на основании решения суда, иные кредиторы, арбитражный управляющий должны обладать правом на пересмотр этого решения с применением в деле иного – более высокого – стандарта доказывания.

Приведем пример. Кредиторы по делу о банкротстве владеют информацией о мнимости сделки, лежащей в основании судебного акта, аффилированности участников правоотношения. Если спор кредитора и должника рассматривался судом без учета этих доводов, кредиторы, действуя в соответствии с новой редакцией ст. 16 закона «О несостоятельности...», смогут обратиться с заявлением об отмене

⁷ Пункт 17 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 4 июля 2018 г.).

⁸ Пункт 46 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 40 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29 мая 2024 г. № 107-ФЗ “О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и ста-

тью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации”».

⁹ Пункт 4 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июня 2011 г. № 52 «О применении положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам».

решения суда по вновь открывшимся обстоятельствам. Но пересмотр судебного акта невозможен в связи с обстоятельствами, возникшими после его принятия, а равно – по причине необходимости применить иные нормативные положения, нежели были применены судом при первоначальном рассмотрении спора. И если довод о мнимом характере соглашения уже рассматривался судом, и он пришел к выводу, что сделка действительна, конкурсный кредитор не сможет настаивать на пересмотре решения. С точки зрения процессуального законодательства пересмотр судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам недопустим в связи с изменением стандарта доказывания по спору.

4. Заключение

Дифференциация стандартов доказывания по гражданским делам, проводимая Верховным Судом

РФ, в ряде случаев неоправданна. Применение судом стандарта доказывания «ясные и убедительные доказательства» по делам о возмещении убытков, причиненных лицом, уполномоченным выступать от имени юридического лица (ст. 53.1 ГК РФ), может быть обосновано политико-правовыми соображениями, однако неверно с точки зрения фактической доступности доказательств участникам процесса. В свою очередь, использование повышенных стандартов доказывания по делам о банкротстве предопределяет безусловный интерес кредиторов, арбитражного управляющего к оспариванию судебных решений, принятых вне дела о банкротстве, в связи с чем актуализирует вопрос о границах права кредитора на пересмотр судебных актов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акужинов А. С. Больше хочешь – меньше получишь: исследование зависимости между размером исковых требований и их удовлетворяемостью в российских арбитражных судах / А. С. Акужинов, О. В. Дорошина, В. А. Култаев, Д. А. Скугаревский, Д. А. Фаталиева // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2022. – № 11. – С. 161–190. – DOI: 10.37239/2500-2643-2022-17-11-161-190.
2. Бакулин А. Ф. Слабая сторона предпринимательского договора: стандарты и бремя доказывания / А. Ф. Бакулин, А. В. Кузьмина // Вестник гражданского процесса. – 2020. – Т. 10, № 2. – С. 203–250. – DOI: 10.24031/2226-0781-2020-10-2-203-250.
3. Будылин С. Дело о доминирующем кредиторе: когда кредитор отвечает за результаты коммерческой деятельности банкрота / С. Будылин // Юридическая работа в кредитной организации. – 2022. – № 4. – С. 41–55.
4. Будылин С. Л. Стандарты доказывания в банкротстве / С. Л. Будылин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 11. – С. 130–157.
5. Решетникова И. В. Стандарт доказывания / И. В. Решетникова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 8. – С. 26–27.
6. Тай Ю. В. Доказательственные презумпции. Варим кашу из топора: комментарий к Постановлению КС РФ от 7 февраля 2023 г. № 6-П / Ю. В. Тай, С. Л. Будылин // Вестник гражданского процесса. – 2023. – Т. 13, № 5. – С. 113–144.
7. Ярошенко Т. В. Стандарты доказывания в гражданском судопроизводстве: проблемы и перспективы правового регулирования / Т. В. Ярошенко, И. В. Дыханов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2022. – № 3. – С. 32–34.
8. Байбак В. В. Новая редакция ст. 393 ГК РФ: общие правила о возмещении убытков, причиненных нарушением обязательства / В. В. Байбак // Закон. – 2016. – № 8. – С. 121–130.
9. Смола А. А. Стандарты, доказывание и Верховный Суд / А. А. Смола // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 8. – С. 129–165.
10. Будылин С. Л. Внутреннее убеждение или баланс вероятностей? Стандарты доказывания в России и за рубежом / С. Л. Будылин // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2014. – № 3. – С. 25–57.
11. Яльцев А. А. Внутреннее судебное убеждение и объективные критерии доказанности – неотъемлемые элементы одной системы? / А. А. Яльцев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – № 9. – С. 36–42; № 10. – С. 31–36.

12. Карапетов А. Г. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование / А. Г. Карапетов, А. С. Косарев. – М. : Закон, 2019. – 96 с. – (Вестник экономического правосудия Российской Федерации; Прил. к № 5 (63) май 2019).
13. Макеева А. А. Поиск баланса в регулировании ответственности единоличного исполнительного органа / А. А. Макеева // Право и Бизнес. – 2020. – № 4. – С. 52–60.
14. Шиткина И. С. Риск привлечения к ответственности директора и предпринимательская инициатива: поиск баланса / И. С. Шиткина, О. В. Буткова // Закон. – 2019. – № 1. – С. 38–49.
15. Стельмах А. В. Процедура установления требований кредиторов в банкротстве: актуальные проблемы / А. В. Стельмах, А. А. Есманский // Арбитражные споры. – 2021. – № 3. – С. 105–122.
16. Звягина Н. С. Проблемы институционализации стандарта доказывания в отечественном гражданском процессе / Н. С. Звягина // Российский судья. – 2022. – № 9. – С. 3–8.
17. Основные положения гражданского права : постат. коммент. к ст. 1–16.1 Гражд. кодекса Рос. Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. – М. : М-Логос, 2020. – 1469 с.
18. Кузнецов А. А. Комментарий к Постановлению Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 10. – С. 42–65.
19. Лозовская С. В. Определенность права и стандарты доказывания / С. В. Лозовская // Государственная власть и местное самоуправление. – 2023. – № 5. – С. 15–19.
20. Глушков А. Н. Судебная практика применения стандартов доказывания в России / А. Н. Глушков // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 5. – С. 38–43.
21. Лухманов М. И. Установление фактической причинной связи в деликте / М. И. Лухманов // Вестник гражданского права. – 2021. – Т. 21, № 5. – С. 86–132.
22. Мифтахутдинов Р. Т. Ограниченная относительность судебного акта при банкротстве: как добросовестным кредиторам защититься от необоснованного требования, подтвержденного судебным актом / Р. Т. Мифтахутдинов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 4. – С. 104–125.
23. Шевченко И. М. О проблеме субъективных пределов законной силы судебных актов в делах о банкротстве / И. М. Шевченко // Арбитражный и гражданский процесс. – 2015. – № 10. – С. 55–60.
24. Жестовская Д. А. Противопоставимость судебных актов в банкротстве / Д. А. Жестовская // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2021. – № 10. – С. 111–145.

REFERENCES

1. Akuzhinov A., Doroshina O., Kultaev V., Skugarevskiy D., Fatalieva D. The More You Want – the Less You Get: A Study of the Relationship between the Size of Claims and Their Enforceability in Russian Arbitrazh Courts. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*, 2022, no. 11, pp. 161–190. DOI: 10.37239/2500-2643-2022-17-11-161-190. (In Russ.).
2. Bakulin A.F., Kuzmina A.V. Weak party in business-to-business contract: standards and burden of proof. *Vestnik grazhdanskogo protsessa = Herald of Civil Procedure*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 203–250. DOI: 10.24031/2226-0781-2020-10-2-203-250. (In Russ.).
3. Budylin S. Dominant Creditor Case: When a Creditor is Liable for the Bankrupt's Business Results. *Yuridicheskaya rabota v kreditnoi organizatsii*, 2022, no. 4, pp. 41–55. (In Russ.).
4. Budylin S.L. Standards of Proof in Bankruptcy. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*, 2018, no. 11, pp. 130–157. (In Russ.).
5. Reshetnikova I.V. Standard of Proof. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitration and civil procedure*, 2021, no. 8, pp. 26–27. (In Russ.).
6. Tai Yu.V., Budylin S.L. Evidentiary Presumptions. Cooking Porridge from an Axe: Commentary to the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 7 February 2023 No. 6-P. *Vestnik grazhdanskogo protsessa = Herald of Civil Procedure*, 2023, vol. 13, no. 5, pp. 113–144. (In Russ.).
7. Yaroshenko T.V., Dykhanov I.V. Standards of Proving in Civil Proceedings: Legal Regulation Problems and Prospects. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitration and civil procedure*, 2022, no. 3, pp. 32–34. (In Russ.).

8. Baibak V.V. New Wording of the Article 393 of Russian Civil Code: General Rules on Compensation for Losses Incurred by Breach of an Obligation. *Zakon*, 2016, no. 8, pp. 121–130. (In Russ.).
9. Smola A. Standards, Evidence and the Supreme Court. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*, 2018, no. 8, pp. 129–165. (In Russ.).
10. Budylin S.L. Internal Conviction or Balance of Probabilities? Standards of Proof in Russia and Abroad. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo suda Rossiiskoi Federatsii*, 2014, no. 3, pp. 25–57. (In Russ.).
11. Yaltsev A.A. Inner Conviction of a Judge and Objective Standards of Proof: Integral Elements of the Single System?. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitration and civil procedure*, 2020, no. 9, pp. 36–42; no. 10, pp. 31–36. (In Russ.).
12. Karapetov A.G., Kosarev A.S. *Standards of Proof: Analytical and Empirical Research*, Suppl. to *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*, no. 5 (63), May 2019. Moscow, *Zakon Publ.*, 2019. 96 p. (In Russ.).
13. Makeeva A.A. Search of Balance in Regulation of Liability of an Individual Executive Body. *Pravo i biznes = Law and business*, 2020, no. 4, pp. 52–60. (In Russ.).
14. Shitkina I.S., Butkova O.V. Director Liability Risk and Business Initiative: Searching for Balance. *Zakon*, 2019, no. 1, pp. 38–49. (In Russ.).
15. Stelmakh A.V., Esmanskiy A.A. Procedure for establishing claims of creditors in bankruptcy: current issues and potential changes. *Arbitrazhnye spory*, 2021, no. 3, pp. 105–122. (In Russ.).
16. Zvyagina N.S. Problems of Institutionalization of the Standard of Proving in the National Civil Procedure. *Rossiiskii sud'ya = Russian judge*, 2022, no. 9, pp. 3–8. (In Russ.).
17. Karapetov A.G. (ed.). *Basic provisions of civil law*, Article-by-article commentary on articles 1 - 16.1 of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow, M-Logos Publ., 2020. 1469 p. (In Russ.).
18. Kuznetsov A.A. A Commentary to the Ruling of VAS RF Plenum “On Some Issues of Damages Compensation by Members of a Legal Entity's Organs” No. 62, 30 July 2013. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo suda Rossiiskoi Federatsii*, 2013, no. 10, pp. 42–65. (In Russ.).
19. Lozovskaya S.V. Determinacy of Law and Standards of Proving. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-government*, 2023, no. 5, pp. 15–19. (In Russ.).
20. Glushkov A.N. Case Law of Application of Standards of Proving in Russia. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitration and civil procedure*, 2019, no. 5, pp. 38–43. (In Russ.).
21. Likhmanov M.I. Establishment of the factual causation in tort. *Vestnik grazhdanskogo prava = Civil law review*, 2021, vol. 21, no. 5, pp. 86–132. (In Russ.).
22. Miftakhutdinov R. Limited Relativity of Court Decisions in Bankruptcy: How Can Bona Fide Creditors Protect Themselves against an Unjustified Claim Approved by a Court Decision. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*, 2018, no. 4, pp. 104–125. (In Russ.).
23. Shevchenko I.M. On the issue of subjective limits of judicial acts validity in bankruptcy cases. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitration and civil procedure*, 2015, no. 10, pp. 55–60. (In Russ.).
24. Zhestovskaya D. On the Allowance of Claims Confirmed by a Judgment: from the Principle of Relativity to the Phenomenon of Opposability. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*, 2021, no. 10, pp. 111–145. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Платонова Наталья Вячеславовна – старший преподаватель, младший научный сотрудник кафедры гражданского процесса Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: n.v.platonova@spbu.ru
SPIN-код РИНЦ: 6492-8439

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Natalia V. Platonova – Senior Lecturer, Junior Researcher, Department of Civil Procedure
St. Petersburg University
7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
E-mail: n.v.platonova@spbu.ru
RSCI SPIN-code: 6492-8439

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Платонова Н. В. К вопросу о дифференциации стандартов доказывания по гражданским делам / Н. В. Платонова // Правоприменение. – 2025. – Т. 9, № 3. – С. 134–143. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(3).134-143.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Platonova N.V. On the differentiation of standards of proof in civil cases. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 3, pp. 134–143. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(3).134-143. (In Russ.).